

Согласно мнению протоиерея Александра Смирнова, *Армилиус* — имя последнего врага иудейской теократии, которое произведено от латинского слова *Romulus*, через прибавку к нему в начале еврейской буквы алеф¹⁴. Имя *Армилиус* содержит в себе намек на римлян как самых страшных врагов иудейского народа. Протоиерей Александр Смирнов полагал, что такое представление об Армилиусе могло образоваться в среде иудеев только после разрушения Второго храма, когда ненависть иудеев к римлянам достигла наивысшей степени¹⁵.

Выводы

Ветхозаветные пророки предвозвестили, что в *последние дни* мировой истории произойдет: возвращение народа Израиля из рассеяния (см. Иезек. 37 гл.), наступление языческих сил на Израиль (Иезек. 38 гл., Дан. 12 гл.), суд Божий, воскресение мертвых, награда праведным и посрамление нечестивым (Дан. 12 гл.).

Очевидно, что эсхатологическое учение ветхозаветных пророков многоаспектно, однако таргумическая экзегеза была сосредоточена лишь на некоторых из перечисленных выше аспектах: нападении коалиции языческих сил на Израиль, собрании иудеев из рассеяния в землю обетованную и особом участии в этом Царя-Мессии, пророка Моисея и пророка Ильи.

Главным врагом Израиля в *последние дни*, согласно таргумам, будет Рим. Анализируя эсхатологическое учение, отраженное в таргумической экзегезе, которое окончательно сформировалось уже после разрушения Второго Храма (т.е. в христианскую эпоху. — *М.С.*), становится очевидным, что оно не отличается сильно от эсхатологических представлений иудеев I века, частично отраженных в Евангелиях. Новым в таргумах является то, что таргумист включил в коалицию языческих сил, которая выступит в *последние дни* против Израиля, город Рим и столицу христианской империи Константинополь.

*Михайлов М.С.
(ПСТГУ)*

РОЛЬ ЕВСЕВИЯ, ЕПИСКОПА КЕСАРИЙСКОГО, В УСТАНОВЛЕНИИ ГРАНИЦ НОВОЗАВЕТНОГО КАНОНА

Евсевий, епископ Кесарии Палестинской, был одним из знаменитейших людей своего времени. Епископ-исповедник, приближенный императором Константином Великим, он был одной из ключевых фигур в церковной среде. И в то же время епископ-ученый, Евсевий посвятил свою жизнь церковной науке и в области церковной истории стал своего рода эталоном для последующих поколений. Епископ и историк, пастырь и исследователь — удачное сочетание таких разнообразных дарований позволяло Евсевию Кесарийскому видеть много дальше своих современников если не решать, то по крайней мере выносить на всеобщее обозрение вопросы, остро нуждавшиеся в своем решении. Речь идет здесь о проблеме определения границ новозаветного канона, с которой столкнулся Евсевий.

Исследованиями новозаветных книг еп. Евсевий Кесарийский занимался не случайно. Это было традицией, да и обязанностью: епископы ранней Церкви устно и письменно толковали Свящ. Писание, изучали его. Но у Евсевия были и свои особые побуждения к такому труду. Кесария Палестинская славилась своей библиотекой. Основу этой библиотеки составляли архивы, оставшиеся от самого Оригена, умноженные Памфилом, а затем и самим Евсевием, который стал пожизненным хранителем и исследователем этой библиотеки. Прямым и ближайшим наследником Оригена, которому не было равных в изучении Писания, оказался таким образом Евсевий.

К занятию Свящ. Писанием Евсевия Кесарийского побуждало и другое обстоятельство. По поручению императора Константина Великого он «обязан был наблюдать за изго-

¹⁴ А.В. Смирнов. Там же. С. 606.

¹⁵ А.В. Смирнов. Там же. С. 606.

товлением пятидесяти экземпляров Библии для церквей Константинополя. Это поручение вынуждало Евсевия серьезно заняться Священным Писанием, потому что в письме, которое он получил по этому поводу от императора, говорилось: «в этих томах должно содержаться Божественное Писание, какое, *по твоему разумению*, особенно нужно иметь и употреблять в церкви»¹.

Выбор Священных книг, или определение границ канона, предоставлялось лично Евсевию. Промысл Божий поставил его, таким образом, перед лицом вопроса, над которым Евсевий и сам размышлял уже в течении десятилетий на страницах своей Церковной Истории, которую он писал и переписывал примерно с 295 по 324 г.² Именно на страницах этой Церковной Истории мы находим теперь примеры того, как сочетались в Евсевии Кесарийском церковный и научный подходы к решению вопроса новозаветного канона.

В чем принципиальная разница этих двух подходов? Церковь, руководимая Духом Святым, имеет свои, сверхъестественные способы различения книг богодухновенных от небогодухновенных. Для нее имеет значение не только апостольское происхождение той или иной книги, но прежде всего и главное, согласие всей Церкви в восприятии ее как богодухновенной³. И дело здесь не в простом подсчете голосов «за» и «против», — но в Божественном просвещении относительно искомой истины, которое сообщается вначале, как правило, немногим, но затем делается общим достоянием.

Естественно, что научное изыскание идет другим путем. И в лице еп. Евсевия Кесарийского мы видим любопытное сочетание того и другого пути. С одной стороны, Евсевий ищет авторитетных свидетельств, обращается к столпам Церкви. Он собирает древние предания, существующие в Поместных Церквях относительно списка книг Нового Завета, тщательно замечает, кто из церковных писателей и какие Свящ. книги цитировал в своих трудах. С другой стороны, он обращается к филологическому анализу Свящ. книг, проводит самостоятельную экспертизу их богословского содержания.

Самый известный пример. Евсевий рассуждает о Послании к Евреям словами Оригена. Он анализирует словарь и грамматику текста Послания, его стиль, его догматическое достоинство; сравнивает все это с другими Посланиями апостола Павла⁴. На основании подробного анализа делается вывод: «Мысли в этом Послании принадлежат апостолу, а выбор слов и склад речи — человеку, который вспоминает сказанное апостолом и пишет, как бы поясняя сказанное учителем»⁵. И сразу вслед за этими словами, вдруг, как бы совершенно алогично говорится: «Если какая-нибудь Церковь принимает это Послание за Павлово, хвала ей за это. Не зря же древние мужи считали это Послание Павловым»⁶.

Другими словами, не имеет большого значения, сам ли апостол Павел написал это Послание или кто-то из его окружения. Настоящий автор Послания ведом только Богу — говорит Евсевий словами Оригена⁷, — но Церковь, на основании постоянного древнего предания⁸ приняла его в свой канон как Павлово.

Примерно так же рассуждал после и свт. Феофан Затворник, сочетавший в себе святость жизни с незаурядной ученостью: «Вопроса о подлинности не предлагаем. Церковью даны сии Послания, как подлинныя Послания св. Павла. Зачем мутить покойную, вследствие того, уверенность в сем, предьявлениями совне, сколько бы они по виду не казались представительными»⁹.

¹ *Евсевий, еп. Кесарийский*. Жизнь Константина. IV. 36. См. PG 20, 1185. // *Розанов Н.* Евсевий Памфил, епископ Кесарии Палестинской. М. 1881. С. 146.

² *Брюс М. Мецгер*. Канон Нового Завета. М.: ББИ, 1998. С. 200.

³ *Καθαρίδης Ι. Δ.* Εισαγωγή στην Καινή Διαθήκη. Θεσσαλονίκη, 2004, σ. 109.

⁴ «В языке Послания, озаглавленном «к Евреям», нет особенностей, свойственных языку апостола, который признает, что он «неискусен в слове», то есть в умении выражать свои мысли. Послание составлено на хорошем греческом языке, и каждый, способный судить о разности стилей, это признает. Мысли же в этом Послании удивительные, не уступающие тем, которые есть в Посланиях, признаваемых подлинно Павловыми. Что это так, с этим согласится каждый, кто внимательно читает эти Послания». Евсевий, еп. Кесарийский. Церковная История. VI. 25. М. 1993. См.: PG 20, 584–585.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

⁸ Кого Ориген, живший в кон. II, нач. III века называет «древними мужами», если не мужей апостольских и их ближайших учеников?!

⁹ *Феофан Затворник, свт.* Творения. Толкования Посланий апостола Павла: Пастырские Послания. М., 1995. С. 16.

У Евсевия Кесарийского в начале IV века, в силу объективных причин, такой полной уверенности еще не было. Границы канона в разных Поместных Церквях варьировались. И вот еп. Евсевий чрезвычайно тактично, опираясь в большинстве случаев на суждения других, древних и авторитетных авторов, выносит этот вопрос на всеобщее обсуждение.

Сам Евсевий Кесарийский склонялся к признанию Послания ко Евреям Павловым. Он пишет: «Четырнадцать Павловых Посланий известны и принадлежат, несомненно, ему»¹⁰. Но он не замалчивает и существование сомнений на этот счет в отдельных Поместных Церквях: «Следует, однако, знать, что некоторые исключают Послание к Евреям, ссылаясь на Римскую Церковь, которая утверждает, что оно не Павлово»¹¹. Впрочем, у самих же римлян, у св. Климента Римского в его 1-м Послании к Коринфянам Евсевий видит доказательство подлинности Послания ко Евреям. В том, что св. Климент приводит в своем 1 Кор. много мыслей из Послания к Евреям, Евсевий видит доказательство, «что это писание не новое, посему справедливо причисляется к прочим писаниям апостола»¹².

Можно привести множество подобных примеров из Церковной Истории Евсевия Памфила. Историю с Апокалипсисом Иоанна, с т.н. малыми Соборными Посланиями, относительно которых Евсевий становится в роли не судьбы, но посредника, мыслителя и историка, готовящего почву для окончательного решения судьбы этих книг от лица всей Церкви.

ФИЛОСОФИЯ

*Антонов К.М., к.ф.н.
(ПСТГУ)*

ХРИСТИАНСКАЯ ПРАВДА И НАУЧНАЯ ИСТИНА.

(Некоторые методологические проблемы написания курсовых и дипломных работ)

Поводом к нижеследующему стало мое участие в руководстве, рецензировании и обсуждении курсовых и дипломных работ студентов нашего Университета. С сожалением приходится констатировать, что вещи, в общем и целом самоочевидные и вытекающие просто из самого понятия о гуманитарном научном исследовании, подчас не находят себе применения в конкретной практике студенческих исследований. В основе этого факта мне видится некоторая общая проблема — и теоретическая, и психологическая — которую в рамках данного текста можно только наметить и поставить, но, разумеется, невозможно решить, и тем более — дать какой-то окончательный ответ.

Дело в том, что проблемы, возникающие перед студентами при написании работ на стыке богословской и общей гуманитарной проблематики (а так же способы их решения, избираемые студентами), в действительности имеют, на мой взгляд, более общее значение и характеризуют интеллектуальный климат нашего научного сообщества в целом. И здесь имеется целый ряд тревожных тенденций, которые в работах студентов, благодаря их интеллектуальной наивности, проявляются с гипертрофированной яркостью, но которые, к сожалению, в замаскированном или рафинированном виде присутствуют и в работах специалистов. На эти тенденции мне и хотелось бы обратить внимание.

Дальше я буду называть истиной результат теоретического, научного или философского, исследования, осуществляемого по правилам, определенным в рамках данного сообщества, как рациональные. Я буду называть правдой — результат практического, экзистенциального поиска жизненных оснований, руководствующегося, прежде всего, целостным интуитивным переживанием этих основ.

¹⁰ Евсевий, еп. Кесарийский. Церковная История. III, 3.

¹¹ Там же.

¹² *Μὴ νέον ὑπάρχει τὸ σύγγραμμα, ὅθεν δὴ εἰκότως ἔδοξεν, αὐτὸ τοῖς λοιποῖς ἐγκαταλεχθῆναι γράμμασι τοῦ Ἀποστόλου.* Муретов М.Д. Евсевий Памфил... / Правосл. Обозр. 1881. III. Декабрь. С. 687–688.